

• ПЕТРОРОМАН •

Црина Лобусова

Д підземельє призраков
Аккермана



Харьков
«Фоліо»
2017



ГЛАВА 1

Одесса, 1919 год

Ночная Дерибасовская. Странная записка.

Разговор с редактором. Первое убийство

Ярко освещенные окна редакции бросали отблеск на булыжники Дерибасовской, словно отполированные прошедшим дождем. Стоя напротив бывшей гостиницы — красивого старинного дома, где теперь располагалась редакция «Одесских новостей», Володя Сосновский поймал себя на мысли о том, что не может отвести глаз от этих гладких булыжников, от луж, от дома, от всей улицы, впитывая это в себя так, как гурманы потягивают драгоценный напиток, смакуя каждую каплю.

Ночная Дерибасовская была прекрасна. Как артерия, перекачивающая тонны крови, она билась в такт многочисленным, быстрым пульсам южного портового города, который, казалось, никогда не спал. И несмотря на поздний час, здесь было множество гуляющих. Как на самой настоящей демонстрации, — подумалось Володе.

Он вдруг поймал себя на мысли о том, что Дерибасовская — это артерия и его жизни. Эта неповторимая улица как вирус проникла в его кровь и осталась в ней навсегда — став, впрочем, как и вся Одесса, неотъемлемой его частью. Этот город полностью захватил его мысли, его душу и пророс в его личную историю своими корнями. Володя даже усмехнулся про себя: похоже, он полюбил Одессу так же остро, сладостно и страстно, как влюбляются в женщину.

В эту теплую южную ночь самого начала мая Сосновский случайно оказался на залитой только что прошедшим дождем Дерибасовской. Несколько дней назад большевики с шумом отпраздновали новый праздник 1 мая. По всей улице шли колонны с яркими транспарантами и красными флагами, и из окрестных домов выходили уже привычные ко всему одесситы, чтобы «за это посмотреть». Володя скептически относился к подобным торжествам. Но жизненный опыт уже научил его держать мысли при себе. А потому он бодро, держа ярко разукрашенный транспарант, шагал в одной из колонн

рядом с Антоном Краснопёровым, своим главным редактором.

Наблюдая за собой словно со стороны, Володя фиксировал беспощадным внутренним взором всю нелепость происходящего. Он казался себе смешным — но, конечно, не подавал и виду, помня о своем будущем. Опыт газетного репортера, работавшего в самые трудные годы, заставлял его отмечать каменные лица чекистов, наблюдавших за колонной: достаточно ли радуются, проявляют ли необходимые чувства, не смеется ли кто... Эти чугунные морды немного напрягали, но, в общем, было довольно весело — особенно потом, когда на склонах над морем, за бывшим Николаевским бульваром, переименованным в Приморский, сотрудники редакции устроили веселый пикник.

Новое название бульвара нравилось Володе намного больше. Он так и сказал изрядно выпившему сладкого бессарабского вина Краснопёрову, добавив, что хотел бы обязательно с ним поговорить.

— Да зайдешь ко мне на днях, делов-то! — пожал плечами жизнерадостный Краснопёров. — Не делай себе беременную голову и не тошни мне на нервы! Подумаешь, за делов! За цей гембель не стоит и простужаться!

Выпив, Краснопёров перешел на родную одесскую речь, чего никогда не позволял себе в стенах редакции. Редактор, так же, как и Володя, прекрасно знал

о том, что большевики невзлюбили коренной язык одесситов и повсеместно стараются его искоренять.

Сосновский тяжело вздохнул. Вот уже несколько дней он буквально гонялся за Краснопёровым, которого как главного редактора самой крупной газеты в городе постоянно таскали на разные комитеты, совещания и заседания. Особенно свирепствовали Комитет по цензуре и Ревком, устраивая заседания-проверки по несколько раз на день и заставляя являться на них не только Краснопёрова, но и многих сотрудников редакции.

Дело Володи было безотлагательно важным. Настолько важным, что он больше не мог терпеть. Он едва не утащил Краснопёрова в сторону на том самом пикнике — для срочного обсуждения своего вопроса. Но редактор, с раскрасневшимся лицом и расстегнутым воротничком косоворотки, так лихо горланил новую революционную песню, что Володя сразу погрузнел, понимая, что говорить с ним в таком состоянии бесполезно. Красного сладкого вина выпито столько, что Краснопёров все равно ничего не поймет.

Праздник продолжался, и в городе были объявлены трехдневные выходные, что совершенно не касалось сотрудников редакции, так как газета должна была выходить каждый день. А после них Краснопёров снова стал неуловимым ответственным работником, который из всех кабинетов «вышел буквально пять минут назад».

В ту майскую ночь Володя должен был встретиться с одним своим старым знакомым — бывшим газетным журналистом, с которым начинал работать в одной из первых своих редакций.

Получив от вахтера переданную им записку, Володя даже засомневался: они никогда не были особо близкими друзьями, и было непонятно, зачем этот журналист назначает встречу. В записке, похожей на телеграмму, было написано: «Нужно срочно увидеться. Дело чрезвычайной важности! Тебя заинтересует этот материал. Речь идет о делах секретных. Ты не поверишь, когда услышишь! Я узнал случайно. Должен поделиться с тобой. Может, дашь этому ход. Жду тебя в греческой кофейне на углу Польской и Дерибасовской ровно в 9 вечера. Приходи один». И подпись, довольно неразборчивая, которую Володя сначала не разобрал, но затем, через время раздумий, все-таки узнал.

Записка его удивила. О каких секретных делах может идти речь, если в газете больше не публикуют подобных статей? Все, что печатают в газете, проходит беспощадную проверку Комитета по цензуре. И Володины очерки из криминальной жизни шерстили не раз. Даже не будучи связанным с газетным миром, легко было понять, что газеты больше не ведут громких разоблачений, не открывают преступных заговоров, не ловят неуловимых бандитов, не раскрывают низкого морального облика власть имущих и не зани-

маются всем прочим, чем занимались когда-то! Тогда к чему этот секретный тон?

Но прирожденное любопытство заставило Володю все же отправиться в греческую кофейню. Это был чудом не закрытый большевиками уютный подвал, где толстый грек, бывший матрос корабля, варил лучший кофе в городе за совсем небольшую плату. И где собирались фальшивомонетчики и портовые мошенники всех видов и сортов, так как порт был совсем рядом.

За небольшим столиком, на виду, Володя прождал ровно час, выпив две чашки ароматного кофе (последняя была с коньяком). Знакомый не явился. Более того, никто даже не подошел к его столику, никто не оставил никакой записки. Сосновский спросил о нем у толстого грека за стойкой, но оказалось, что тот вообще не знает никакого журналиста, и он, похоже ни разу не заходил в это место.

Наконец, в начале одиннадцатого ночи, уяснив, что попросту теряет время, Володя вышел на улицу и увидел, что прошел дождь. Везде стояли лужи, а булыжники мостовой казались почерневшим стеклом и сверкали так, словно сохраняли эту стеклянную хрупкость. Сосновский пошел по Дерibasовской, наслаждаясь этой ночной прогулкой, с удовольствием вдыхая чистый после дождя воздух.

Напротив Горсада располагалось здание редакции. И Володя не мог пройти мимо, не бросив на знакомые окна пристального взгляда.

К огромному его удивлению, все окна редакции были ярко освещены. Электрическим пламенем полыхал весь этаж. Володя так и застыл на месте, пораженный этим зрелищем. Около половины одиннадцатого ночи, и вдруг такая иллюминация! Он остановился, внимательно глядя на освещенные окна. Все это показалось ему очень странным.

А потом появилась неожиданная мысль зайти. Как сотрудник редакции Володя мог войти в здание в любое время. Свет в окнах означал, что Краснопёров находится на месте — без главного редактора никто бы не отважился на такое самоуправство. В голове у Сосновского возникла шальная мысль — зайти именно сейчас и наконец-то поговорить с Краснопёровым! Заставить его себя слушать. А если Краснопёров так занят, что свет понадобился во всех окнах редакции, то обязательно его выслушает, хотя бы для того, чтобы поскорее избавиться от него.

Воодушевленный этой свежей (и, с его точки зрения, правильной) мыслью, Володя перебежал дорогу и быстро поднялся по мраморным ступенькам, ведущим к крыльцу. По ночам в здании дежурил другой вахтер, не знавший его в лицо. Он остановил его на входе и даже попытался перегородить путь.

— Владимир Сосновский, сотрудник редакции, — Володя быстро сунул свое удостоверение вахтеру под нос.

Проверив документ, вахтер записал имя в толстой конторской книге и только тогда пропустил вперед. Володя буквально взбежал по широкой мраморной лестнице и стремительно ворвался в ярко освещенную редакционную комнату.

Внутри никого не было. Сосновский пошел дальше по коридору. Из-за двери Краснопёрова были слышны голоса.

Володя остановился, прислушиваясь. Голосов было несколько, все — мужские. Говорили они одновременно, поэтому совершенно нельзя было разобрать слов. Володя различил было визгливый тенорок Краснопёрова, но его быстро заглушили два других — настоящий бархатный баритон, весьма ласкающий слух, и такой глухой, словно звучал из-под пола. Сосновскому показалось, что голоса звучат на повышенных тонах. Он не знал, что там происходит, но было совершенно ясно, что посетители недовольны Краснопёровым и пришли сюда выяснять отношения. Что ж, это было ему на руку! И, собравшись с духом, Володя коротко, но решительно постучал в закрытую дверь.

Голоса смолкли. За дверью послышалась какая-то возня, после чего она распахнулась, и на пороге возник Краснопёров. Волосы его были взлохмачены, лицо — потное, а глаза бегали из стороны в сторону. При виде Володи Краснопёров так изумился, что растерял все слова и стал хватать ртом воздух. Затем